

Особенности работы с переносом в ОЛИ интегративной психодинамической психотерапии — разбор случая

Небойша Йованович¹

ОЛИ Центр интегративной психодинамической психотерапии, Белград · ORCID: 0009-0006-2142-9932

(профессиональная статья – разбор случая)

Цитирование: Йованович Н. (2026). Особенности работы с переносом в ОЛИ интегративной психодинамической психотерапии — разбор случая. *Инсайты*, 3, с. 109-134. DOI: <https://doi.org/10.67978/INSIGHTS.2026.3.5>

Аннотация

Перенос представляет собой центральный конструкт психоаналитического и психодинамического терапевтического процесса, однако его понимание и способ работы с ним различаются в зависимости от теоретической и методологической рамки. В этой работе представлены особенности работы с переносом в ОЛИ интегративной психодинамической психотерапии (ОЛИ ИПП) — современном, психоаналитически обоснованном интегративном модальности с выраженным фокусом на развитии. Исходя из классической психоаналитической концепции переноса как повторения ранних отношений и аффективных паттернов в терапевтических отношениях, ОЛИ ИПП сохраняет аналитическое измерение работы с переносом, но расширяет его пониманием эго-функций с точки зрения развития и базовых развивающих компетенций личности.

В работе перенос рассматривается не только как регрессивный феномен, но и как индикатор неразвитости или временной регрессии базовых развивающих компетенций в эмоционально значимых отношениях. Особое внимание уделяется различению переносных проявлений, проистекающих из регрессии ранее развитых способностей, от тех, что указывают на структурные эго-дефициты. Теоретическое изложение дополнено развёрнутым клиническим разбором случая, который иллюстрирует то, как переносные процессы, контрпереносные переживания и развитие базовых развивающих компетенций переплетаются в терапевтической работе. Цель работы — показать вклад ОЛИ ИПП в понимание переноса как пространства развития, в котором, помимо инсайта, происходят также научение, интернализация и укрепление эго-функций, необходимых для устойчивого психического изменения.

Получено: 1. 8. 2026.

Принято: 15. 8. 2026.

Опубликовано: 20. 9. 2026.

OPEN ACCESS

© автор, CC BY 4.0

Ключевые слова: перенос, интегративная психодинамическая психотерапия, базовые развивающие компетенции личности, эго-функции.

¹ E-mail: jnebojsa1@gmail.com

Исходя из психоаналитической традиции, ОЛИ интегративная психодинамическая психотерапия (далее — ОЛИ ИПП) сохраняет центральное значение переноса как пространства, в котором активируются ранние паттерны отношений, аффекты и конфликты (Freud, 1923). Однако перенос в ОЛИ ИПП понимается не исключительно как феномен повторения и проекции, но и как пространство развития, в котором усваиваются и отрабатываются функции, которые в раннем развитии не могли быть в достаточной мере сформированы или интернализированы.

В этом смысле ОЛИ ИПП опирается на фундаментальные положения эго-психологии о вспомогательном Эго и о передаче эго-функций, но развивает и систематизирует их далее через понятие базовых развивающих компетенций личности. Эти компетенции не выведены из одной теоретической школы, а распознаны и описаны в различных психоаналитических психологиях — классическом психоанализе, эго-психологии, теории объектных отношений и self-психологии — под разными именами и на разных теоретических языках. В ОЛИ ИПП они выделены, объединены, ясно поименованы и помещены в когерентную модель развития психотерапевтического процесса.

В пользу смещения акцента с самой интерпретации к аффирмативным и структурирующим вмешательствам говорят и эмпирические данные: систематические обзоры показывают, что связь между интерпретацией переноса и исходом терапии неоднозначна (Yilmaz et al., 2024).

Конфликт и дефицит: два источника психопатологии и импликации для работы с переносом

Современная психодинамическая мысль различает два разных источника психических трудностей — интрапсихический конфликт и структурный дефицит — и это различие имеет непосредственные следствия для техники. Киллингмо (Killingmo, 1989) показал, что патология конфликта требует интерпретации, раскрывающей вытесненное значение, тогда как патология дефицита требует аффирмативных интервенций, устанавливающих и выстраивающих недостающие психические структуры: при дефиците нет вытесненного значения, которое нужно реконструировать, а есть неразвитая функция, которую необходимо развить. Сугарман (Sugarman, 1995) формулирует ту же проблему как вопрос о том, лечит ли психоанализ конфликт или дефицит, подчёркивая, что оценка природы трудности определяет выбор терапевтического подхода.

Глита (Glita, 2010) показывает клиническую полезность понятий дефицита и дефекта в психодинамической психотерапии, опираясь на Кохута, Балинта и других авторов, и предупреждает о риске преждевременной диагностики дефицита, а также об интерперсональной природе такой оценки, поскольку дефицит распознаётся и через контрпереносное переживание ограничений терапевтической работы. Друк (Druck, 1998) в работе, озаглавленной именно как «попытка интеграции» конфликта и дефицита, определяет дефицит как скомпрометированные способности Эго и Супер-Эго, выходящие за пределы ограниченных эффектов невротических симптомов, и отстаивает интегративную позицию, согласно которой конфликт и дефицит не исключают друг друга, а сосуществуют и переплетаются в работе с одним и тем же клиентом.

Что это различие не только теоретическое, подтверждает и современный метасинтез разборов случаев: Кривцов и Меганк (Krivzov & Meganck, 2021) систематически проанализировали опубликованные разборы случаев в лечении

медицински необъяснимых симптомов и показали, как одна и та же клиническая картина по-разному концептуализируется и лечится в зависимости от того, выдвигает ли терапевт на первый план конфликт или дефицит. Тем самым релевантность различия конфликта и дефицита проявляется и на уровне методологии разбора случая, подобного представленному здесь.

В этом свете перенос нельзя свести к единому феномену. В классической традиции (Freud, 1912, 1914) перенос — это прежде всего повторение и регрессия на службе конфликта, разрешаемого интерпретацией в рамках рабочего альянса. Однако self-психология (Kohut, 1971) описывает селфобъектные переносы — зеркальный и идеализирующий, — которые не являются преимущественно конфликтными, а выражают развития потребности и дефицита в регуляции самости. Ракер (Racker, 1968) подчёркивает неотделимость переноса и контрпереноса, а Гилл (Gill, 1982) помещает перенос в анализ отношений «здесь и сейчас». Вместе эти подходы показывают, что переносное переживание может одновременно нести и конфликтную, и дефицитарную составляющую.

Именно ОЛИ интегративную психодинамическую психотерапию можно прочесть как один из ответов на дилемму конфликт/дефицит. Сохраняя интерпретативную работу с конфликтом, ОЛИ ИПП понимает перенос и как показатель (не)развитости базовых развивающих компетенций и эго-функций и поэтому расширяет работу с переносом от интерпретации значения к развитию недостающих функций — через перенос эго-функций и модель «вспомогательного Эго». Таким образом, конфликт и дефицит в ОЛИ ИПП интегрируются в единую рамку теории изменения, что далее разрабатывается через специфический подход к переносу.

Перенос в ОЛИ ИПП: регрессия или дефицит базовых развивающих компетенций личности

В ОЛИ интегративной психодинамической психотерапии перенос понимается не как процесс, в котором «нечто переносится» со значимых фигур из прошлого на терапевта, а как обусловленное ситуацией и уровнем развития изменение в функционировании базовых развивающих компетенций в контексте эмоционально значимых отношений. Подобно тому как при повышенном напряжении выбивает предохранитель, который недостаточно мощен, — предохранитель, который при меньшем напряжении исправно работает. Эти «предохранители» нашей психики — базовые развивающие компетенции, о которых идёт речь в ОЛИ ИПП.

Когда отношения становятся достаточно важными, эмоционально насыщенными или экзистенциально значимыми, наступает перегрузка системы переработки эмоций. В этих условиях способ, которым человек воспринимает, переживает и реагирует, может существенно измениться, создавая впечатление, что активируются паттерны из ранних отношений. Однако в ОЛИ ИПП ключевой вопрос не в том, что из прошлого повторяется, а в том, что происходит со способностями переработки эмоций в нынешних отношениях.

В этой рамке ОЛИ ИПП вводит важное различие между регрессией развитых компетенций и структурным дефицитом компетенций.

У одной части клиентов базовые развивающие компетенции в основе развиты и доступны в большинстве жизненных ситуаций. Однако в эмоционально значимых отношениях — каковыми являются и терапевтические — наступает их временная

блокировка или регрессия на более низкий уровень развития. В таких случаях переносные феномены указывают не на отсутствие функций, а на их декомпенсацию под эмоциональной нагрузкой. Психотерапевтическая работа тогда направлена на разблокировку, повторное установление и стабилизацию имеющихся компетенций, чтобы их снова можно было использовать на более зрелом уровне.

У другой части клиентов, особенно с выраженными эго-дефицитами, проблема не в регрессии развитых функций, а в их недостаточной или фрагментарной сформированности. В этих случаях переносные переживания не являются следствием падения способностей, а указывают на то, что определённые базовые развивающие компетенции никогда не были в достаточной мере развиты. Тогда терапевтические отношения служат не только контекстом, в котором происходит регрессия, но и пространством развития, в котором эти функции формируются впервые.

Это различие имеет непосредственные следствия для понимания переноса. У клиентов с развитыми, но лабильными компетенциями перенос проявляется как сигнал перегрузки и временной регрессии, тогда как у клиентов с эго-дефицитами перенос выступает как проявление структурной нехватки функций. В обоих случаях феномен может внешне выглядеть похоже — идеализация, обесценивание, зависимость, агрессивные требования, — но его статус в плане развития и терапевтический ответ существенно различаются.

С этой точки зрения то, что в классическом психоанализе описывается как «перенос» отношений, можно понимать как повторную активацию более низкого уровня эмоциональной переработки — либо из-за регрессии имеющихся способностей, либо из-за их отсутствия. Переносится не объект; меняется уровень функционирования компетенций.

Поэтому работа с переносом в ОЛИ ИПП включает две различные, но связанные стратегии развития. В случаях регрессии терапевтический фокус — на возвращении функций на ранее достигнутый или более высокий уровень развития, тогда как в случаях дефицита фокус — на постепенном развитии и научении функциям, которые не были в достаточной мере сформированы. В обоих случаях цель не в постоянной внешней поддержке, а в интернализации способностей и их устойчивом, вторично автономном функционировании.

Таким образом, перенос в ОЛИ ИПП получает ясно дифференцированное значение с точки зрения развития. Он больше не является единым феноменом с единым происхождением, а становится индикатором отношения между эмоциональной нагрузкой и доступностью компетенций. Психотерапевтическая работа тогда направляется не исключительно на интерпретацию прошлого, а на восстановление или построение способности выдерживать, понять и проживать нынешние отношения на более зрелом уровне. В этом контексте терапевт в ОЛИ ИПП занимает более активную и, в плане развития, более эксплицитную роль: он не только аналитик переносных значений, но и учитель и фасилитатор развития базовых развивающих компетенций, то есть эго-функций.

Эта активность не является отступлением от нейтральности, а представляет собой прозрачность в передаче функций, которая делает возможным научение. Терапевт не остаётся скрытым за «зеркалом», а думает вслух — показывает, как он размышляет, как связывает, как выносит неясность, как интегрирует противоречивую информацию и как регулирует собственные эмоциональные

реакции. Тем самым демистифицируются функции, которые у клиента недостаточно развиты или которые под давлением переноса регрессировали, и открывается пространство для их интернализации.

Одной из техник, которая в этом процессе оказалась особенно полезной, является извлечение функции из интроектов (интроект — это интернализированное представление о другом и об отношениях с ним, которое берёт на себя определённую функцию в психике). Вместо того чтобы рассматривать интроект исключительно как патологическое содержание, которое нужно интерпретировать или разложить, его ментализируют: исследуют, какую функцию определённое родительское поведение пыталось выполнить, каким было его намерение в удовлетворении потребностей развития ребёнка и каким образом эта попытка была неадекватной или вредной. Отделением функции от незрелого способа её выполнения становится возможным то, что в ОЛИ ИПП обозначается как созревание интроектов — процесс, в котором сырые, «проглоченные» установки, требования и запреты преобразуются в более зрелые, более гибкие и адекватные с точки зрения развития эго-функции (Йованович, С., 2025).

Такая работа одновременно способствует и ментализации первичных фигур: родители больше не воспринимаются только как «плохие» или «хорошие» объекты, а как люди, которые часто имели осмысленные с точки зрения развития намерения, но не располагали адекватными способностями их осуществить. Тем самым переносный материал не исчерпывается повторением прошлого, а становится полем научения, в котором старые функции распознаются, отделяются от своих незрелых форм и развиваются в более зрелые базовые развивающие компетенции, которые клиент может использовать в нынешних отношениях.

В предыдущих работах об ОЛИ ИПП (N. Jovanović, 2013, 2025) подробно изложены основные понятия этого психотерапевтического модальности: базовые развивающие компетенции (нейтрализация, ментализация, целостность и постоянство объекта, толерантность к амбивалентности и фрустрации), понятия вторичной выгоды и контрнавyków, два плана терапевтической работы (план содержания и план процесса). Теперь мы свяжем их с работой над переносом (который также является сопротивлением).

Проявления неразвитости и регрессии базовых развивающих компетенций личности в переносе

В ОЛИ интегративной психодинамической психотерапии перенос понимается как реляционный контекст, в котором становятся видимыми дефициты, блокировки или регрессии базовых развивающих компетенций, а также специфические контрнавыки, которые вокруг этих дефицитов организуются. Важно подчеркнуть, что неразвитость некоторой компетенции не всегда проявляется через её очевидную «нехватку», а часто через избыточные, ригидные или избегающие паттерны, которые на первый взгляд могут выглядеть адаптивными или даже зрелыми.

В переносных отношениях с терапевтом эти контрнавыки дополнительно кристаллизуются, потому что отношения эмоционально значимы, асимметричны и требовательны в плане развития.

Нейтрализация: импульсивность и ригидный контроль

Когда нейтрализация неразвита или регрессировала, перенос не обязательно проявляется исключительно через открытую импульсивность и отыгрывание (acting-out). У одной части клиентов аффект быстро переходит в действие: словесные вспышки, обвинения терапевта, внезапные прерывания терапии, угрозы уходом или демонстративное отстранение. Терапевт воспринимается как непосредственная причина аффекта, а отношения становятся местом разрядки. (Hartmann, 1955)

Однако у других клиентов с тем же дефицитом развивается противоположный контрнавик: избегание всех ситуаций, в которых мог бы произойти прорыв импульса. В переносе это проявляется через ригидный контроль, эмоциональную дистанцию, «рассудительность», интеллектуализацию или чрезмерное подчёркивание спокойствия. Клиент может выглядеть стабильным и владеющим собой, но терапевтические отношения остаются эмоционально «стерильными», без риска и без подлинного контакта. В обоих случаях общий знаменатель — невозможность гибкого удержания и переработки аффекта.

Ментализация: конкретизация или гиперментализация

При дефиците ментализации перенос часто проявляется через конкретизацию отношений: терапевт воспринимается персонализированно, как некто, кто «делает что-то против меня», «не понимает меня» или «имеет скрытые намерения». Каждая интервенция переживается как личный комментарий или нападение, а способность к рефлексии о собственном внутреннем состоянии ограничена. (Fonagy et al., 2002)

Одновременно может развиваться и дезадаптивный контрнавик гиперментализации. Клиент тогда выглядит подчёркнуто рефлексивным, аналитичным и психологически изощрённым, но ментализация теряет связь с аффектом и реальностью. В переносе терапевт воспринимается как фигура, которую нужно «прочитать», «разоблачить» или «демаскировать», тогда как реальное эмоциональное переживание остаётся непереработанным. Ментализация тогда служит защитой от эмоционального контакта, а не средством понимания.

Целостность объекта: идеализация, обесценивание и «моральная гордость»

Неразвитая целостность объекта приводит к переносу, отмеченному расщеплением: терапевт воспринимается либо как полностью хороший, либо как полностью плохой. Малые фрустрации могут приводить к внезапным и интенсивным сдвигам в переживании отношений. (Klein, 1946)

Помимо открытой идеализации и обесценивания, часто развиваются и контрнавйки, которые маскируются под моральную ясность, страстность или подлинность. Клиент может развить невротическую гордость «чистыми эмоциями», «бескомпромиссной искренностью» или «ясным различием добра и зла». В переносе терапевт может восприниматься как некто, кто «релятивизирует», «недостаточно ясен» или «не занимает сторону», что переживается как угроза идентичности клиента. Суть проблемы, однако, лежит в невозможности интеграции противоположных аспектов отношений.

Постоянство объекта: зависимость и эмоциональный уход

При нехватке постоянства объекта перенос часто проявляется через страх потери отношений, повышенную чувствительность к перерывам, отпускам и изменениям расписания. Клиент постоянно проверяет доступность терапевта и ищет подтверждения непрерывности отношений.

Одновременно может развиваться и противоположный контрнавывк: эмоциональный уход и минимизация значимости отношений как попытка избежать боли сепарации. В переносе это может выглядеть как дистанция, «самодостаточность» или настаивание на независимости, тогда как в основе лежит невозможность психически удерживать отношения в отсутствие объекта.

Константность объекта: зависимость и эмоциональное отстранение

При недостатке константности объекта перенос часто проявляется через страх потери отношений, повышенную чувствительность к перерывам, отпускам и переносам сессий. Клиент постоянно проверяет доступность терапевта и ищет подтверждения непрерывности отношений (Mahler, Pine, & Bergman, 1975).

Толерантность к амбивалентности: поляризация и давление на терапевта

Когда толерантность к амбивалентности не развита, перенос организуется вокруг потребности упростить отношения. Терапевт воспринимается как некто, кто должен быть либо полностью поддерживающим, либо полностью фрустрирующим. Всякая попытка одновременно понять и поставить границу переживается как противоречие или предательство. (Klein, 1940)

В переносе тогда часто развивается контрнавывк давления: клиент имплицитно или эксплицитно требует, чтобы терапевт занял ясную сторону, принял решение вместо него или подтвердил одну позицию как «правильную». Амбивалентность невозможно вынести — она должна быть разрешена извне.

Воля: пассивная зависимость и оппозиционная автономия

Неразвитая воля в переносе может проявляться через пассивную зависимость: ожидание, что терапевт ведёт процесс, даёт решения и берёт на себя ответственность за изменение. Клиент остаётся в позиции «не могу», «не знаю», «вы специалист».

Напротив, может развиваться и оппозиционный контрнавывк: ригидное отвержение всякого предложения как попытки контроля. В обоих случаях переносные отношения становятся местом борьбы вокруг ответственности, при которой избегается развитие способности к самоподдержке и упорству.

Инициатива: ожидание и саботирование процесса

При неразвитой инициативе перенос проявляется через ожидание, что терапевт «запустит терапию». Клиент может приходить без тем, повторять одни и те же содержания или оставаться в пустоте, с имплицитным требованием, чтобы терапевт взял на себя движущую роль, чтобы «вёл» его.

Одновременно может возникнуть и контрнавывк пассивного саботажа: формальное присутствие в терапии без действительного вложения, что поддерживает статус-кво и препятствует изменению, а вместе с тем обеспечивает вторичную выгоду от «попыток».

При неразвитой или ригидно организованной инициативе перенос проявляется не только через пассивное ожидание, что терапевт возьмёт на себя движущую роль, но и через противоположный дезадаптивный паттерн гиперактивной инициативы. Во втором случае клиент в переносе берёт полный контроль над терапевтическим процессом: сам выбирает темы, определяет цели, структурирует каждую встречу и ведёт разговор, часто с выраженной потребностью, чтобы «терапия имела смысл» и постоянно двигалась в направлении решения.

На первый взгляд такой клиент может выглядеть мотивированным, ответственным и вовлечённым. Однако в основе часто лежит невозможность отдаться эмоциональному процессу, страх потери контроля и избегание контакта с непредсказуемыми или зависимыми аспектами отношений. Переносные отношения тогда используются как пространство организации и контроля, а не как пространство опыта и изменения. Инициатива, вместо того чтобы служить запуску и развитию, становится контрнавском, которым избегается эмоциональная уязвимость.

В обоих паттернах — пассивном ожидании и гиперактивном контроле — общий знаменатель есть недостаток гибкой инициативы, которая позволила бы одновременно запускать процесс и быть способным отдаться его течению. Терапевтическая работа в этих случаях направлена на развитие инициативы, которая служит не контролю или избеганию, а подлинному участию в эмоционально значимых отношениях.

Таким образом, через анализ процесса, алгоритмов установления отношений, перенос в ОЛИ ИПП становится картой функционирования базовых развивающих компетенций, но и картой контрнавсков, которые вокруг их дефицитов развились. Переносные паттерны не случайны и не исключительно исторически обусловлены; они представляют собой актуальные стратегии выживания в эмоционально требовательных отношениях, которые необходимо понять, разобрать и заменить способностями развития. Разумеется, в работе с переносом всегда возможно, а часто и очень полезно, распознать исторический след определённого переносного проявления и интерпретативно связать его со значимыми фигурами из прошлого. Такие интерпретации могут углубить понимание происхождения определённых эмоциональных реакций и осветить контекст развития, в котором сформировались паттерны отношений.

Однако подход, который здесь рассматривается, открывает ещё один важный план понимания. Через распознавание процесса, то есть чистого паттерна построения отношений, который активируется в переносе, клиент может обрести инсайт не только в то, от кого нечто происходит, но и в то, как этот паттерн функционирует в нынешних отношениях. Тем самым фокус смещается с конкретного объекта, на который «переносится» опыт, к самому алгоритму установления и поддержания эмоционально значимых отношений, который повторяется независимо от человека, с которым строятся отношения.

Анализом этого паттерна — включая контрнавски, которые в нём активируются, и вторичные выгоды, которые его поддерживают, — становится возможным ясно указать на его последствия для отношений и связать их с трудностями, из-за которых клиент приходит на психотерапию. Тем самым терапевтическая работа не останавливается на инсайте в повторение, а открывает пространство для научения и отработки альтернативных, более зрелых способов переработки эмоций и

построения отношений, то есть развития базовых развивающих компетенций, которые могут заменить дезадаптивные паттерны.

В этом смысле перенос в ОЛИ ИПП остаётся местом исторического понимания, но одновременно становится и пространством развития для испытания новых способов отношений, в котором изменения не только понимаются, но и конкретно отрабатываются и интегрируются в повседневную жизнь. Перенос рассматривается как место, в котором наиболее ясно проявляется способ, которым клиент перерабатывает эмоционально значимые отношения. Когда базовые развивающие компетенции неразвиты, частично развиты или подвержены регрессии, их падение или отсутствие становится видимым именно в переносных отношениях с терапевтом. Перенос тогда проявляется не прежде всего через содержание того, что переносится, а через специфический способ переживания, реагирования и организации отношений.

Разбор случая

(Йованович, Н., 1990)

Следующий разбор случая иллюстрирует то, как изложенные теоретические принципы проявляются и прорабатываются в клинической практике. Весь клинический материал представлен в анонимизированном и перефразированном виде и используется исключительно в академических и образовательных целях. Предварительно было получено устное согласие клиента на представление процесса работы.

Хотя работа опирается на разбор одного случая, такой формат имеет признанную ценность как «мост» между исследованием и клинической практикой (Binder, 2025).

В дальнейшем изложении читатель сможет проследить два параллельных плана: (1) развитие переносных отношений через содержание и (2) изменения в способе переработки эмоций, то есть в развитии базовых развивающих компетенций.

С М. я начал работать так, что сначала она включилась в групповой проект, то есть групповую работу в телесной психотерапии. Группа была определена не как терапевтическая, а как рекреационно-образовательная. Цель состояла в том, чтобы участники познакомились с принципами телесно ориентированной психотерапии, лучше узнали собственное тело, распознали хронические мышечные напряжения и работали, через групповые упражнения, над повышением вибрационного состояния тела, освобождением мышечного напряжения, выражением эмоций... В качестве мотивации для включения в группу М. указала потребность войти в лучший контакт со своим телом. Она жалуется, что утратила контакт даже с собственными физиологическими потребностями. Она не чувствовала потребности сходить в туалет, пока у неё не начал болеть живот от сильного напряжения толстого кишечника или мочевого пузыря; ориентировалась по часам, когда примерно подходило время справить физиологические потребности, поесть (она крайне худая). Она ощущала, будто голова и тело начинают у неё разделяться, боится, что это означает потерю психического контроля, утрату контакта с реальностью.

Столь выраженные проблемы начали проявляться после летнего отдыха (пятью месяцами ранее). На отдыхе она познакомилась с молодым человеком, который её «неотразимо» привлёк. Она описывает его как нежного,

женственного, с полными чувственными губами (что напоминает ей младшего на два года брата). Молодой человек был младше неё. Она его соблазняла, и когда дошло до ситуации сексуальной близости, оцепенела и начала задыхаться, пока он её целовал. Затем она резко перешла к половому акту импульсивным и диссоциативным образом (об этом событии она рассказала мне месяцем позже на индивидуальной сессии). Поскольку молодой человек был иностранцем, она испугалась возможности ВИЧ-инфекции (страх появился лишь после его отъезда).

В паническом страхе ВИЧ-инфекции и потери психического контроля она обратилась за психиатрической помощью и была включена в одну психотерапевтическую группу, которую вскоре покинула, потому что «поссорилась с терапевтом, который был слишком резок, кричал на неё и сказал, что она избалованная и невоспитанная». В качестве мотива включения в группу, которую вёл я, она называет и то, что на первой встрече увидела в моих глазах, что я «нечто особенное, что я излучаю какое-то необычное тепло и что могу ей помочь». В группу включился и её тогдашний молодой человек, как она говорит, «больше ради неё, чем ради себя». В тот период они безуспешно пытались прервать годовичные отношения (по её инициативе), потому что М. чувствовала, что он её душит, но не могла прервать из страха возможного серьёзного аутодеструктивного или гетеродеструктивного исхода. В дальнейшем изложении я приведу сначала только клинический материал, а теоретические связи оставлю на конец.

Я был амбивалентен по отношению к участию М. в группе с самого начала. С одной стороны, я чувствовал, что она исключительно мотивирована на работу и вносит динамику в групповой процесс своей готовностью выносить неприятные содержания (завоёвывая тем самым симпатию и сочувствие некоторых участников группы). С другой стороны, со временем становилась очевидной её потребность, чтобы я занимался ею больше, чем группой, и чтобы она всегда была в центре внимания. Я чувствовал, что группа не самая подходящая рамка для работы с ней, и подумывал предложить ей индивидуальную работу. Я опасался, что экспрессивные телесные упражнения могли бы вызвать у неё более бурные реакции, что потребовало бы куда большего посвящения времени работе с М. и вызвало бы недовольство участников группы, а также тревогу из-за внезапного прорыва содержаний и чувств, к которым они не были готовы. Кроме того, и группа не была определена как терапевтическая, а её размер был бы неуместен для работы с такого рода проблемами (15 участников).

Тогда мне стала и переживательно яснее её проблема границ. Приведу несколько аспектов, в которых эта проблема начала яснее проявляться. Одна из первых встреч группы началась разговором о дыхании. Участники группы излагали наблюдения своих ограничений в связи с дыханием, и некоторые из них вызвались лечь, попробовать расслабиться и глубоко дышать. М. выразила желание тоже попробовать. Я ощутил лёгкое неудобство, но тогда не мог его определить. Она начала дышать глубже, и поначалу ей это было приятно. Ей было приятно моё присутствие, и она начала сообщать своё переживание ситуации. У неё был образ, будто что-то круглой формы находится над её головой и она этого сильно хочет. Это огромно, и она чувствует, что её желание огромно, но рот у неё мал. Она широко раскрыла рот и начала задыхаться, звать

на помощь; её охватила паника, что сердце перестанет работать, и она просила меня заверить её, что с ней ничего не случится. Я сказал ей встать и что с ней ничего не случится, после чего она успокоилась.

После встречи я чувствовал себя неприятно и неудовлетворённо. Несколько смешанных чувств я пытался понять и разграничить. Я чувствовал беспокойство за М. (хотя у неё был мой телефон на случай необходимости), злость на себя, потому что уже следовало предложить ей индивидуальную работу, чувство вины, но и какую-то, тогда непонятную, злость по отношению к ней. Была и неприязнь к идее работать с ней индивидуально, потому что я чувствовал, что это потребовало бы немалого временного и прежде всего эмоционального вовлечения, к которому в тот период я не был вполне готов.

Тогда я переживал М. как человека, который «хватает», у которого нет уважения к потребностям другого человека и который, когда его потребности не удовлетворены, готов к деструктивным и аутодеструктивным отыгрываниям. Её драматические проявления беспомощности, паники и тому подобного в группе, в отношениях с молодым человеком, с родителями были манипулятивными, с целью принудить другого человека (обычно через чувство вины и страх за М.) удовлетворить её потребности. Я чувствовал себя виноватым, что не последовал своему первому впечатлению и что включил её в группу, к которой она теперь привязалась, а также то, что она как-то вторглась в моё пространство больше, чем я того хотел, что мои границы под угрозой. Помимо этих негативных чувств, она была мне необычайно интересна, часто удивляла меня остротой своих наблюдений о себе и участниках группы, чувством юмора. Меня тронула её судорожная, но сильная воля сделать что-то из своей жизни.

Реакции участников группы были похожи. М. вызывала симпатии, сочувствие и защитные реакции у некоторых участников группы, но и агрессию из-за «отсутствия меры», манипулирования, «истерического поведения ради внимания»... Один участник группы описывает М. так: «Она способна войти в человека, увидеть, прочитает его лучше многих и сказать ему всё в лицо, считая себя искренней. Но она не способна его почувствовать и установить контакт. Может, я не готов или не хочу это слышать. Может, я не люблю, когда мне кто-то залезает в живот. М. более открыто говорит, что хочет коснуться кого-то в группе или обнять. Как будто у неё нет моральных ограничений, но она не видит другого. Как будто другие — лишь объекты для удовлетворения её потребности. Если кто-то к этому не готов, она будет к нему так и сяк подбираться, чтобы достичь цели. Когда занимает время, считает, что имеет на это полное право, потому что ей нужнее. Как будто группа существует ради неё. Когда ей тяжело, она не признаёт ограничений, необходимых, чтобы мы здесь могли равноправно сотрудничать. У неё потребность пробивать и разбивать...».

Похожие наблюдения высказывает и её молодой человек. С начала отношений он играет роль её «менеджера». Они познакомились через музыку. У него немало знакомств в мире музыки, и он пытается помочь её карьере. Очень быстро их отношения переросли в «эксклюзивный контракт». У М. была потребность полностью им обладать, чтобы они были постоянно вместе. Прежде чем он её встретил, он был постоянно активен, постоянно в движении, практичен. Он

мало размышлял о себе, психологии... она его расшатала, «пробила его скорлупу», наговорила ему всякого — что он латентный гомосексуал, что он искусственен, в сущности женственен, а играет мачо как защиту... Она его расшатала, чувствует, что отношения тянут его всё глубже, но не может их прервать.

Эти наблюдения людей о М. — лишь одна сторона медали. С другой стороны — её страх за свои границы и слабость границ в другом направлении. Приведу несколько её переживаний, которые это выражают. На одной из первых встреч группы присутствовала и некая инструкторка йоги, к которой М. ранее ходила на курс. Она начала критиковать некоторые упражнения с позиций йоги, когда М. её прервала и сказала, что та рекламирует себя, а группа пришла слушать меня и познакомиться с моим подходом в работе с телом, а не слушать лекцию о йоге. После встречи она чувствовала себя очень встревоженной, потому что боялась, что инструкторка могла бы причинить ей вред силой своего ума. Она знает, что это нереально, но чувствует, что инструкторка могла бы войти в неё и навредить ей, как ведьма.

М. часто встревожена, когда у кого-то в группе доходит до более сильных эмоциональных проявлений. Так она описывает свой опыт: «Я чувствую, будто этот другой вошёл в меня и я переживаю его чувства. Когда Г. начала рыдать, я почувствовала, будто меня что-то ударило в живот, как острый укол. Будто её рыдание и страх охватывают меня и я потеряю контроль». Ещё несколько похожих переживаний: «Я стояла в очереди в магазине самообслуживания и увидела одну женщину, которая была мне интересна. Я почувствовала в тот миг, будто выхожу из себя и вхожу в неё, или она в меня, будто чувствую и мыслю как она...»; «Я чувствую, что Н. (молодой человек) меня душит, что в отношениях с ним я теряю себя. Когда пытаюсь его покинуть, меня охватывает паника, что он мог бы серьёзно навредить себе или другим... или что мог бы навредить и мне».

Один её сон хорошо отражает отсутствие границ, проблему дифференциации от объекта: «Мне снилось, будто мы стоим на какой-то террасе, Н. и я, я чувствую, что должна его оберегать. Как будто Н. одновременно и моя мать. Он падает с террасы. Я в панике бегу вниз и нахожу девочку, которая выглядит дезорганизованной, будто психически расстроенной. У неё некоординированные движения, как у сломанной куклы-робота. Каждая часть сама по себе, будто она разъята на куски. Это я. Когда он падает, или мать, и я разбиваюсь». Далее она сравнивает свои чувства к Н. и к матери. Неспособность сказать им нет, отделиться. «Мать страшно входит в меня. Она сильная, пробивная, постоянно говорит, рычит, убивает меня словами, какой-то мужской силой, которая бьёт в живот. Когда мне хорошо, достаточно, чтобы она вошла в комнату и начала зудеть или насмехаться. Я автоматически начинаю чувствовать то же, как заколдованная, у меня нет защитной стены от неё, будто я без кожи...» (Она и в самом деле выглядит как «кожа да кости»).

После нескольких групповых встреч я предложил М. индивидуальную работу с объяснением, что в группе недостаточно времени для работы над её проблемами, что она приняла, довольная тем, что я «думаю о её благе». Мы начали с двух встреч в неделю. М. была «в восторге» от терапии, «это настоящее» для неё... она сравнивала меня с людьми, о которых раньше думала, что они могли бы быть её учителями в жизни. Я единственный не навязываю

себя и не пытаюсь вписать её в какую-то свою систему мышления... Она видит меня как спасение, «как некое солнце, от которого впитывает своё тепло и наполняется... тогда чувствует себя лучше, лучше относится и к другим». Встречи наполнены разными содержаниями, часто очень болезненными, но хаотичными.

В основном какие-то дневные события, конфликты дома, с молодым человеком... определяли содержание встреч. Я терпеливо слушал, проявляя к ней понимание и сочувствие, но у меня было впечатление, что гораздо более важные вещи отражаются, хотя и невысказанные, на поле отношений между ней и мной, а само содержание менее существенно в тот момент. У неё была привычка попросить ещё 5 минут, хотя бы немного углубить встречу, потому что она ещё не всё мне сказала, позвонить по телефону, чтобы «только что-то коротко сообщить». На одной встрече она описала это так: «Я хочу, чтобы ты знал каждую мелочь обо мне, чтобы не осталось ничего важного, чего ты не знаешь, я боюсь что-нибудь упустить. Как-то, если ты всё знаешь обо мне, будто я в тебе, тогда я в большей безопасности. Так у меня до сих пор было с моей тетрадь-дневником. Всё я записывала туда, тетрадь всё принимает, как омут, но отвлекает меня от реальности. Как будто мы одно, она и я... моя лучшая подруга... нет границ. Мне приснился один сон. Очень необычный, но, думаю, очень значимый. Он оставил сильное впечатление на меня. Начинается так, что я смотрю в небо ночью и вижу некую точку далеко в космосе. Она приближается ко мне из мрака, и я различаю некую форму. Вижу, что это плод, который приближается к моему лицу, но между мной и им какая-то невидимая граница. Он смотрит на меня как-то умоляюще. Я хочу его достать, потому что знаю, что ему холодно там в космосе и что он один. Я ощущаю себя в этом мире как тот плод. Знаю, что это я...».

Спустя пару месяцев работы становится заметной одна тенденция в связи с расписанием встреч. М. начала подчёркивать как проблему то, что у неё часто самые важные вещи происходят тогда, когда у нас нет назначенной встречи, и что она «едва доживает» до назначенного времени. Потом ей «глупо мне это пересказывать, раз она не могла сразу, когда я был ей нужен».

Я чувствовал упрёк в её голосе, хотя она отрицала, что злится на меня из-за этого. И увеличение частоты встреч до трёх раз в неделю не помогло, потому что у М. была потребность позвонить мне именно «тогда, когда мы не договаривались», сказать, что она «в запарке», и я обычно соглашался на внеочередную встречу. Я почувствовал, что она не хочет, чтобы у нас были установленные сроки, а чтобы это было тогда, когда ей нужно, независимо от того, занят я или нет. Я объяснил ей преимущества установленных сроков — что она может распределить свои силы, когда знает, когда меня увидит. Она ответила, что мне легко говорить ей отложить, но что она на это не способна, это сильнее её. Я решил принять её идею, чтобы встречи у нас были по её потребности, но предупредил, что может случиться, что я буду занят в то время, когда она позвонит.

Вскоре обнаружилось, сколько пространства для фантазий об отвержении открыл такой способ назначения встреч. Случалось, что из-за обязанностей я не мог принять её всякий раз, когда она просила. Тогда приходили вопросы вроде: «Но разве ты обычно не был свободен в это время, разве ты не работаешь по

четвергам до пяти?» и тому подобное. У неё были мысли, что я хочу её избежать, что намеренно мучаю её «как младенца, которого отлучают». Однажды отыгрывание стало очевидным и ей самой.

Был праздник. За день до праздника у неё была возможность прийти на встречу, но она не объявилась. Она знала, что накануне праздника работают сокращённо. В сам праздник она объявилась около 10 часов и попросила, чтобы я её принял. Я ответил ей, что сожалею, но не могу её принять, и предложил увидеться в понедельник. Яростным голосом она сказала мне, что я безответственный, и бросила трубку. В понедельник у нас была встреча, на которой она сообщила мне, как была крайне зла на меня, представляла, что придёт и устроит разгром в кабинете, и о том, чтобы обвинить меня в том, что я веду себя безответственно и инструментально, что она могла бы сделать что угодно, что могла бы серьёзно навредить себе или другим. Обвиняет меня в том, что из-за напряжения делала глупости, кричала на улице, в автобусе, колотила по дому... что, если бы я хотел её принять, всё это не случилось бы. Я некий властитель, который держит её судьбу в своих руках и может, как мне угодно, играть с ней. Я напомнил ей, что она могла объявиться накануне и могла предположить, что в пятницу торжество и что я не смогу её принять, разве что она считает, что я всегда должен быть к этому готов. Она ответила, что именно этого и ожидает. Она ощутила страшную злость, когда услышала веселье по телефону. Как я могу переживать что-то приятное без неё и чтобы это было мне важнее неё. Она должна была бы быть мне самым важным, и раз уж я взял на себя ответственность работать с ней, у меня должно быть время. Я спросил её, означает ли это, что я всегда должен быть в её распоряжении.

Дальнейший ход разговора проясняет её ожидания, что я всегда буду в её распоряжении и «предугадаю», когда буду ей нужен. Затем — потребность контролировать меня и постоянно проверять, дорога ли она мне, чему ей на руку такой способ назначения встреч. Когда она знает, что наверняка может быть принята почти всегда, когда ей нужно, тогда может и отложить, и даже гордиться собой, что что-то решила сама.

Бросалось в глаза и изменение в её переживании меня тогда, когда я удовлетворяю её потребности, — когда я был «особым человеком», единственным, кто её действительно понимает, неким божеством, «воплощением любви», тогда как в ситуациях, которые она переживала как отвержение, я был «дьяволом», властителем, который её мучает, безответственным экспериментатором... Она ненавидела бы меня «до глубины души», имела бы потребность меня разоблачить и уничтожить. В одном аффективном состоянии оставалось лишь интеллектуальное осознание моих противоположных качеств, тогда как переживание было ей совершенно чуждо. «Как будто это чувствовал кто-то другой, а не я», — говорит она. Опишу одну встречу, на которой это ясно проявилось.

Встреча началась проявлением злости по отношению к матери. Она чувствовала себя отвергнутой и беспомощной, как предмет, который кто-то может взять, когда он ему нужен, и выбросить, когда не нужен. Мать так и ведёт себя по отношению к ней. Как будто она существует или не существует в зависимости от потребностей матери и её способности их удовлетворить. Затем она переходит к другой теме, которая ей, по её словам, важнее этой с

матерью. Речь обо мне. Она беспрестанно фантазирует о телесном контакте со мной и чувствует, что это решило бы все её проблемы. Знает, что я её терапевт и что так не делается, но есть надежда. Это ей важнее, чем терапия. Чувствует, что эта надежда и привела её на терапию с первого момента, когда она меня увидела. Я должен был знать, что она пришла из-за меня. Теперь, когда я её не отверг, а слушал и с пониманием принимал её чувства, она позволила себе, чтобы чувства развились. Я за это ответствен и должен бы их удовлетворить. С неё хватит анализа. Она хочет услышать ясный ответ, сделаю я это или нет. Только да или нет. Я ответил, что не сделаю. Она встала и сказала, что ей всё отвратительно, что она меня ненавидит, что ей отвратительны её потребности, что она ненавидит себя за то, что имеет потребности, что больше не хочет меня видеть... и вышла наружу.

Однако она вернулась через несколько минут, потому что не могла отойти дальше здания из страха, что умрёт, если удалится от здания. Она чувствовала, что должна разрешить это со мной. Что я теперь думаю о ней... захочу ли я вообще её видеть.

Я сказал ей, что она сделала именно то, на что жаловалась в начале, когда говорила о матери. Я был идеальным, пока существовала надежда, что я удовлетворю её потребность. Когда я этого не захотел, я стал отвратительным, у неё возникло желание меня покинуть и отбросить как предмет. Она начала плакать... «похоже, и я делаю другим то же, что моя мать мне. Я чувствую, что она во мне, и ненавижу эту часть себя. Я манипулирую людьми, чтобы получить то, что мне нужно, чтобы их высосать. У неё такое соблазняющее поведение. Она сильная. Вошла в меня. Так я иду от одного учителя к другому. До тебя я прилепилась к некоему Б. Он какой-то лжетерапевт. Так он создаёт своих приверженцев... или к молодым людям... в сущности, человек не важен. Это может быть кто угодно, на кого я зацеплю свою фантазию, и тогда плету сеть, как паук. Так я делала и с братом, когда он был ребёнком». Затем она описывает сексуализированное поведение в детском возрасте в отношениях с младшим братом, что сегодня переживает со стыдом и виной. Это она связывает со своим нынешним поведением по отношению к младшим мужчинам. «Мне так грустно из-за этого, — продолжает она. — Я, в сущности, никогда никого не любила... как человека, я имею в виду, только как объект своих потребностей. И тебя я трактовала как предмет. У меня камень с души упал, что ты этого не позволил, но и не отбросил меня как предмет. Помню, когда меня оставил Н., я так же была зла и ударила рукой по окну». При этом она получила травму. Помнит, что тогда, в регрессивном состоянии, звала мать и требовала, чтобы её «накормили».

В терапевтическом процессе у М. не наблюдалось проблемы недостатка ассоциаций и чувств. Часто её захлёстывали содержания, которые она выносила, или внешние события. Проблемой было овладение и интегрирование противоречивых содержаний и противоположных чувств. М. я переживал как человека «без мяса», без достаточно сильных защит. Как будто всё, что с ней происходит, тут же выражается. Себя она переживала как «вихрь», который идёт дезорганизованно и попутно втягивает что попадётся. У неё была потребность записать всё, до чего она дошла на встрече, организовать это, чтобы не расплыться, создать какую-то структуру, извлечь резюме. Говорит,

что это нечто, чему она впервые в жизни учится, — чтобы её мозг работал организованно и направленно. Поначалу она просила это у меня, тогда как позже начала делать это сама. Чувствовала себя гордой из-за своей новой способности.

Один из её снов выражает такое чувство. Снится ей, как с одной башни падает купол и проливается вода. Чувствует, что башня — её тело, а купол — голова. Вода — её чувства, которые её захлёстывают. Впервые она не так боится, чтобы паниковать. Наступает потоп, и она в какой-то лодке с тремя людьми. Двое позади неё — родители её хорошей подруги, которые добрые люди и принимают её. На корме — какой-то молодой человек, похожий на меня. Знает во сне, что эта лодка и эти люди — она сама. Видит какую-то девочку, которая ошалела, вся в панике. Берёт её на руки, но ребёнок не может успокоиться. Родители мягко предостерегают её, чтобы она была осторожна и успокоила ребёнка, потому что все могли бы перевернуться. Она чувствует, что в состоянии успокоить ребёнка, что её грудь служит, чтобы амортизировать панику ребёнка и удерживать равновесие. Она горда из-за этого. Ребёнок успокаивается. Это напоминает ей эго-состояния родитель, взрослый, ребёнок из транзактного анализа... Она об этом читала.

М. переживает себя как человека, который всегда «где-то посередине, на границе, как некий пограничник». Отец и мать, хотя и разведены, живут в одной квартире. Мать с братом в одной комнате, отец в другой, а М. посередине. Не принадлежит никуда, хотя мать считает её отцовской «породой» — некультивированной, животным. Ребёнком она постоянно была почтальоном между ними двоими. И мать, и отец тайком жаловались ей друг на друга и пытались привлечь её на свою сторону. У неё было чувство, будто и тот и другая входят в неё и там борются. Отец внизу, в теле, тёмная сторона. Мать наверху, светлая сторона. Хотя часто переживает и наоборот. Отец был больше в голове, поглощён газетами, историей... а мать одержима своей внешностью... Оба против неё. Следующий сон хорошо описывает её позицию. «Снится мне, что я специально отобранный солдат, страж-пограничник, который защищает нечто особо важное, некий центр. Знаю, что этот центр — мой мозг, что я защищаюсь от распада, дезорганизации. Откуда-то выходит бесчисленное множество пар. Как те гипсовые раскрашенные куклы — соединённые, Мэрилин Монро и какой-то солдат (отец — военный). Она светлая, вся сияет, как мать. Он жёсткий, тёмный, как отец. Под руку идут к центру. Я и стражи должны его защищать. И нам бы удалось, если бы не один лазутчик, который двойной шпион и хочет выслужиться перед врагом. И это я».

Продолжает с толкованием сна: «Они двое меня уничтожают, но я постоянно веду двойную игру, потому что они мне нужны. Поэтому и могут войти в меня. Я постоянно на границе. Мне недавно снилось, что я цыганка, так выгляжу и подхожу к некоей границе между светом и тьмой. Слева, во тьме, мой отец с какими-то поэтами и философами. О чём-то мудрствуют. Справа, на сцене, мать, публика, люди, сцена, эксгибиция. И то и другое — я, а ни то ни другое — не я. Когда-то я пыталась писать стихи, заниматься великими мыслями, философией, открывать тайны разума, как мой отец. Моя музыка — мать, её истеричность, обращённость вовне, к сцене, эксгибиционизм. Во сне я отвергаю и то и другое, ухожу своим путём. Не могу примирить эти две части в себе. Они несовместимы. Так и моё тело разъято. Отец — голова, мистика,

тьма, идеи, коммунизм, Россия. Мать — сцена, свет, драматизм, поверхностность, Америка. Это безумие. Меня не существует. Я мертва на границе между головой и телом, светом и тьмой, отцом и матерью, между сильным желанием уйти и быть независимой и сильным желанием слиться, исчезнуть, умереть. Тут есть какая-то сексуализированная компонента. Как с тетрадью. Это какой-то омут, который тянет меня внутрь, отвлекает от мира. Видишь, когда я разозлилась на тебя, я пошла, но не смогла уйти. Я поняла, что я всю жизнь в дверях. Шаг вперёд, шаг назад. Всю жизнь. Я, в сущности, и не родилась. Всё ещё раздумываю, хочу или не хочу...».

Скажу ещё кое-что о переживании М. своей семьи, в динамике которой ясно отражается проблема расплывчатости границ Я и неспособности уважать границы другого человека у всех членов семьи. Отец — военный в отставке. Мать долгое время была домохозяйкой. Впервые устроилась на работу несколько лет назад. Атмосферу в доме М. описывает как атмосферу распада, затхлости, блоковой раздвоенности, вечной борьбы. Мать — человек, обращённый вовне; важнее всего, что скажет свет. Презирует духовное, склонна к драматическим проявлениям, к резкой смене поведения типа горячо-холодно, соблазнительна, ипохондрична, постоянно ломается и причитает. Переживает её как сильного и пробивного человека, направленного на манипулирование, скорее мужского, чем женского. Чувствует, что мать гомосексуальна, и описывает сексуализированное нарушение границ матерью и интрузивное поведение по отношению к её телу, а также то, как она вторгается в каждую часть её жизни, во все коммуникации, имеет потребность всё контролировать. Прерывает ей контакты с братом, отцом, ранее с компанией. Входит в неё тогда, когда не хочет, а не отвечает тогда, когда она её ищет. Чувства к матери крайне конфликтны. От потребности «ходить за ней по дому как маленький ребёнок» до потребности убежать от неё.

Мать поглощена смертью каким-то эротическим образом, говорит клиентка. «Постоянно говорит о смерти и похоронах с эротическим возбуждением, как будто через это сексуально разряжается». Младшего на два года брата мать соблазняет, «как будто он ей муж, она как служанка бежит вокруг него, подлизывается к нему, потому что он мужчина». Переживает, что мать инструментализирует брата как продолжение собственной сексуальности и власти. «Над отцом насмехается, кастрирует его, а брат — её. Брат — это она».

Отца описывает как мрачного, отдалённого человека, забившегося в свои газеты и книги. Целую комнату он заполнил газетами, которые собирает почти 10 лет. Чувствует себя важной персоной, потому что проникает в тайны человеческого разума и истории. Имеет потребность раздавать уроки как некие моральные кодексы, которые ей преподавал, даже написанные, с указаниями, как ей следует мыслить и вести себя в жизни. Не выносит её прикосновения или нежности. В таких ситуациях он всегда отстраняется или бормочет что-то вроде «ну ладно, ладно...». Когда они разговаривают, он объясняет ей её саму «согласно принципам функционирования человеческого мозга». Чувствует, что отец более женственен, чем мать. Он в душе как некий младенец с надутыми губами и выдвинутой вперёд головой. Весь в голове, как будто хотел бы высосать весь мир. Его отношения с братом, по мнению М., гомосексуальны. «Когда

разговаривает с ним, как будто за ним ухаживает, как будто через него и он хочет почувствовать себя мужчиной».

М. хотела быть мужчиной. Так одевается, ведёт себя и выглядит. У неё были сны, в которых она занимается любовью с подругой и матерью. В отношениях с молодым человеком у неё была привычка преподносить ему, что он латентный гомосексуал, быть сверху, пока они занимаются любовью. У неё было даже переживание, что она физически обладает пенисом. В детстве описывает сексуализированное поведение и нарушенные границы в отношениях с младшим братом, что сегодня переживает со стыдом и виной.

Отношения между родителями М. описывает как постоянную борьбу за границы. Отец был постоянно отсутствующим, а мать постоянно его «гоняла» и навязывала ему чувство вины. Чувствует, что у отца нет сильных границ и что выход он находит в избегании контакта и изоляции — «так он бережёт своё пространство». Она описала один случай, когда подошла к отцу, пока он смотрел телевизор, и положила ему руки на плечи. Он вскочил и крикнул: «Оставь меня, не трогай меня, я хочу остаться свободным!» Мать описывает как «пробивного» человека, у которого потребность обладать, входить в других. Отец часто жаловался, что она вонзается ему в живот. М. чувствует, что и она сама делает то же самое. (В некоторые периоды работы с М. и я ощущал боль в животе во время встречи и злость из-за неуважения моих границ, о чём я ей и сказал, когда предметом анализа стали её боли в животе.)

В завершение этого изложения кратко опишу встречу, которая была у нас после года и девяти месяцев работы. Встречу она начала с сильного чувства вины по отношению к отцу. Накануне она навестила его в больнице, потому что его прооперировали по поводу доброкачественной опухоли. Они разговаривали, и когда разговор «случайно» дошёл до сестры отца, которую он физически ударил, когда она была девушкой, из-за какого-то флирта, М. напала на него, что он и ей сделал то же самое, что из-за него она сегодня не может установить отношения с мужчинами, что избегает её прикосновения, будто она больна. Она была очень зла и накричала на него. На следующий день она почувствовала, что любит его и что отец ей очень дорог, что он мог бы умереть и что ей следовало бы сделать что-то, чтобы его вытащить. Он одержим тем, что угасает и что умрёт. Ей жаль, что она была агрессивной. На самом деле она хотела, чтобы он уделил ей внимание. Она спросила его, как он, и он начал рассказывать о себе, что ей вскоре наскучило. У неё была потребность, чтобы он спросил, как она, чтобы интересовался ею, хотя он в больнице. Она чувствует себя эгоистичной. Мы начали разговор о её агрессии.

М., пока говорила об отце, колебалась между двумя сильными состояниями: одним, в котором видит его как виновника, который её «повредил», и другим, в котором чувствует внезапный наплыв тревоги и страха, что его потеряет. Она говорила, как одновременно «эгоистична» и «ужасно виновата»: хотела напасть на него, чтобы получить внимание, но в тот же миг имела фантазию, что могла бы тяжело навредить ему своей агрессией, особенно теперь, когда он в больнице. Она описывала ощущение, что эти два состояния не сливаются у неё в одну картину, как будто в ней существуют «два человека», которые сменяются.

Мы говорили о том, что агрессия в этом случае была способом побороться за контакт и подтверждение, но и что её переживание катастрофы («могу

тяжело ему навредить») связано с тем, что в ней любовь и ненависть с трудом могут стоять вместе по отношению к одному и тому же объекту. Когда они сближаются, появляется интенсивная вина и страх распада. М. тогда сказала, что это «как короткое замыкание»: в один момент она чувствует подлинное сострадание и потребность быть нежной, а в следующий — внезапный порыв «напасть» и «взять» то, что ей нужно.

В том же разговоре она спонтанно перешла к отношениям со мной. Сказала, что заметила, что, когда чувствует, что я не вполне доступен, у неё тут же активизируется тот же паттерн: «как будто не верит мне», как будто должна меня «проверять», «принудить» быть рядом или «наказать» уходом и холодностью. Описала, как после таких ситуаций чувствует себя пристыжённой, как будто «сделала что-то грязное», но одновременно и как будто это «единственный способ» оставаться уверенной, что отношения существуют. Распознала, что ей трудно позволить отношениям длиться и тогда, когда она не «накормлена» непосредственно.

Я говорил ей, что в эти моменты дело не столько в том, что у неё «нет чувств», сколько в том, что ей трудно выдержать пустоту, ожидание и расставание без переживания катастрофы; и что тогда она автоматически прибегает к старым способам контроля отношений. Она сказала, что труднее всего ей именно то, что выглядело бы самым простым: сказать «ты мне нужен», не шантажируя, быть близкой, не «проглотив» другого, быть злой, не уничтожив отношения.

В конце этой части разговора она стала тише и сказала, что ей, в сущности, неловко говорить о «хороших» чувствах, потому что тогда она чувствует себя «мягкой», уязвимой, как будто теряет свою броню. Сказала, что ей легче быть агрессивной или требовательной, чем проявить благодарность, потому что благодарность она переживает как зависимость и капитуляцию. Затем, с улыбкой и видимым неудобством, попыталась произнести нечто «глупое», но важное.

Сказала, что в эти моменты ей труднее всего то, что она не может соединить эти два чувства, и что тогда не знает, как совладать с собой. «Это нереально... (смеётся)... мне стыдно... я чувствую благодарность к тебе, но мне трудно это выразить. У меня потребность сказать это быстро или как мужчина... как будто это ничего... я неуклюжа в проявлении хороших чувств. Я хотела сказать тебе, что счастлива, что встретила тебя в жизни... есть справедливость... вот, сказала и выжила».

После того как она произнесла, что чувствует благодарность, М. снова попыталась засмеяться и преуменьшить значение сказанного, но на этот раз улыбка была короче и менее убедительна. Она осталась на несколько мгновений в тишине, явно в неудобстве, но без потребности тут же перейти к какой-то другой теме. Сказала, что ей странно, что она может одновременно чувствовать стыд и близость, и что этот опыт для неё новый и сбивающий с толку.

Я не пытался интерпретировать её переживание в тот момент, ни связывать его с прежними отношениями. Важнее было удержать контакт с чувством, которое появилось, и дать возможность его выдержать без ухода или агрессии. М. тогда сказала, что ей впервые в терапии не нужно сразу что-то

делать с тем, что она чувствует, — ни нападать, ни уходить, ни оправдываться. В конце этой сессии, с чувством удовлетворения, она сказала: «Пойду теперь к отцу, попробую и с ним, таким способом, наладить отношения».

В последующих сессиях было замечено, что в отношениях со мной реже возникают внезапные требования и испытания отношений, а чаще — неуверенность, которую она могла выговорить прямо. Хотя старые паттерны время от времени возвращались, их можно было распознать раньше и с меньшей интенсивностью. Особенно значимо было то, что М. начала различать моменты, в которых чувствовала потребность контролировать отношения, от тех, в которых могла отдаться контакту, даже когда он был несовершенным или фрустрирующим.

Этот сдвиг не означал исчезновения конфликта и не означал «разрешения» отношений с отцом или другими значимыми фигурами. Однако изменился способ, которым М. перерабатывала эмоционально значимые отношения. Вместо того чтобы реагировать исключительно через агрессию или уход, она начала распознавать собственные аффекты, удерживать их и говорить о них. Переносные отношения в этом смысле перестали быть местом повторения и стали пространством, в котором можно было испытать иной способ отношений.

Работа над этим случаем показывает, что изменения происходят не только через инсайт в прошлое, но и через коррекцию способа переработки эмоций в нынешних отношениях. Когда клиент может выдержать амбивалентность, распознать импульс без действия и остаться в контакте вопреки стыду и неуверенности, открывается возможность развития базовых развивающих компетенций, которые прежде не были доступны. В этом смысле переносные отношения были не только средством понимания, но и местом научения и созревания.

Интерпретация содержания и связь с теоретическими концепциями

В «клинической картине», то есть в характерном способе функционирования М. в отношениях с другими людьми и в отношении к себе, заметны те особенности, которые Кернберг (Kernberg, 1975) приводит как особенности, совместимые с его описанием пограничной организации личности: а) низкая толерантность к тревоге, б) отсутствие контроля над импульсами, в) недостаток развитых каналов сублимации. Основной механизм защиты у М. — расщепление. Эго защищается от чрезмерной тревоги диссоциацией и активным удержанием дистанции между позитивными и негативными интроектами. У М. бросается в глаза, что эти противоположные состояния Я как будто попеременно включаются/выключаются неким «клик-клак»-переключателем в голове, а исходный стимул для смены — осуждение, неудовлетворение её потребности, покидание или отвержение (то есть то, что она переживает как покидание или отвержение). Пока эти состояния отделены одно от другого, М. не чувствует сильной тревоги. Когда же они сближаются, как на последней встрече в чувствах к отцу, развивается раздирающее чувство вины, страх уничтожения объекта собственной агрессией и страх распада эго (сон о падении с террасы), что указывает на неудачу в преодолении параноидно-шизоидной позиции, о которой говорит Мелани Кляйн (Klein, 1940), и на развитие механизмов защиты, характерных для депрессивной позиции. Из-за силы агрессии эго не удаётся осуществить слияние позитивных и негативных идентификаций и нейтрализовать агрессию, что усиливает расщепление.

Механизм расщепления помогает понять и переживание окружения, что М. не умеет уважать чужие границы, а также её переживание, что она права в своих ожиданиях от других. С одной стороны, склонность к примитивной идеализации приводит к нереалистичным ожиданиям от объекта, который в эти моменты переживается как всемогущий, полностью хороший и без ограничений. В таких состояниях М. теряет контакт с реальными возможностями другого и с собственными границами, что выливается в требования, которые неизбежно должны остаться неудовлетворёнными. Когда наступает осуждение, идеализация резко переворачивается в обесценивание, а объект переживается как злонамеренный, холодный или отвергающий. Эта внезапная смена состояний дополнительно усиливает внутреннюю нестабильность и способствует повторной активации расщепления как основного механизма защиты. В переносных отношениях с терапевтом тот же паттерн ясно повторяется. Терапевт в одни фазы переживается как единственный человек, который может понять, помочь и защитить, тогда как в другие фазы переживается как эмоционально недоступный, фрустрирующий или отвергающий. Эти смены несоразмерны реальным событиям в терапевтических отношениях, а обусловлены внутренними сдвигами в структуре эго, которое не справляется с интеграцией противоположных чувств к одному и тому же объекту.

В ситуациях, в которых позитивные и негативные переживания сближаются, наступает внезапный рост тревоги, интенсивное чувство вины и фантазии о деструктивности собственной агрессии. В эти моменты становится очевидным недостаток способности к нейтрализации агрессивных импульсов и их сублимации, что дополнительно дестабилизирует эго-функционирование. Сон о падении с террасы можно понять как символическое выражение страха потери контроля и распада эго-структуры в моменты, когда защитное разделение перестаёт работать.

Анализ этого случая указывает на то, что у М. основная терапевтическая задача была направлена на укрепление эго-функций, которые делают возможной толерантность к амбивалентности, интеграцию противоположных аффектов и постепенный отказ от примитивных механизмов защиты. Лишь в той мере, в какой эго может выдержать одновременное существование любви и агрессии к одному и тому же объекту, возможно уменьшить потребность в расщеплении и установить более стабильное отношение к себе и другим. В этом смысле терапевтический процесс у М. нельзя рассматривать исключительно как разрешение отдельных конфликтов, а прежде всего как длительную работу над изменением структурных способов функционирования, которые лежат в основе её межличностных трудностей и внутренней нестабильности.

Анализ процесса: перенос, сопротивление и развитие базовых развивающих компетенций личности в перспективе ОЛИ ИПП

В предыдущем разборе случая дан анализ клинического материала на уровне содержания. С точки зрения ОЛИ ИПП, однако, ключевое место изменения находится в том, как терапевт вмешивается в реальном времени переносных отношений с целью развития базовых развивающих компетенций, которые делают возможной иную переработку опыта.

Нейтрализация

У М. интенсивные аффекты быстро переходили в действие или в ригидный контроль. Терапевтические интервенции были направлены не на подавление агрессии или её прямую разрядку, а на моделирование нейтрализации. Терапевт оставался эмоционально присутствующим и спокойным в моменты её злости, давления и требований, тем самым показывая, что сильный аффект может быть выдержан без действия. Через мышление вслух, называние того, что происходит в отношениях, и замедление процесса аффект постепенно переводился в психическое содержание, а не в импульс.

Одновременно терапевт нейтрализовал и собственную возможную реактивную злость, не вступая в борьбу за власть и не уходя, чем имплицитно демонстрировал более зрелый способ переработки агрессии.

Ментализация

Когда М. теряла способность к рефлексии и переживала терапевта конкретно (как частичный объект) как отказывающего или злонамеренного, терапевт не пытался убедить её в обратном, а обращал внимание на процесс: как в определённый момент меняется её переживание отношений и как это переживание влияет на её реакции. Через постановку вопросов, совместное размышление и возвращение с «что ты мне делаешь» на «что в тебе происходит» терапевт помогал восстановлению ментализации в самих переносных отношениях.

Целостность объекта

Внезапная смена идеализации и обесценивания терапевта не интерпретировалась прямо как механизм защиты, а проживалась в отношениях. Терапевт оставался тем же — последовательным, эмоционально доступным и с ясными границами — и в фазах идеализации, и в фазах нападения. Тем самым клиентке была дана возможность постепенно испытать, что объект может оставаться тем же вопреки сменам её внутренних состояний, что было основой для развития целостности объекта. Кроме того, он указывал клиентке на сам паттерн расщепления — как он появляется в отношениях, когда, какова его функция, какие потребности удовлетворяет, от чего её защищает, каковы негативные последствия... — давая возможность постепенной подготовки к депрессивной позиции и толерированию амбивалентности.

Постоянство объекта

В работе с сепарациями, паузами и изменениями доступности терапевт использовал реалистичную, но предсказуемую структуру. В отдельных ситуациях он шёл навстречу её инициативам о дополнительных встречах, которые не были заранее оговорены, а являлись ответом на её потребность, когда оценивалось, что это имеет смысл для развития, но одновременно ясно указывал на реальность, что это не всегда будет возможно. Особенно важно было то, что он заранее предупреждал о возможности её злости и недовольства в таких ситуациях, чем помогал, чтобы фрустрация была пережита, а не избегнута или эксплозивно разряжена.

Толерантность к амбивалентности

Терапевт не пытался «разрешить» амбивалентность и не убеждал клиентку, что она любит или что не ненавидит. Напротив, он оставался в контакте с обоими чувствами, не реагируя бурно ни на любовь, ни на нападения. Тем самым была дана возможность, чтобы в отношениях одновременно появлялись и позитивные, и негативные аффекты, без распада отношений. Это «выживание амбивалентности» имело сильный развивающий эффект. Клиентка научилась толерировать противоположные эмоции без расщепления.

Толерантность к фрустрации

Неразвивающиеся потребности М. не удовлетворялись — терапевт не устранял фрустрацию, не «спасал» её от неприятного и не гарантировал постоянную доступность. Одновременно фрустрация не была холодной или карающей. Терапевт помогал клиентке распознать, как фрустрация активирует её паттерн отношений, как ведёт к давлению, драматизации и вторичной выгоде, но и какой долгосрочный вред этот паттерн производит в её отношениях вне терапии.

Воля

Воля М. была сильной, но инструментализированной для манипулятивного удовлетворения потребностей. Терапевт постепенно переориентировал волю с контроля отношений на выдерживание процесса: оставаться в терапии и тогда, когда она недовольна, толерировать ожидание, принимать, что изменения не происходят сразу. Тем самым воля переставала служить давлению, а начинала служить развитию.

Инициатива

Когда М. брала полный контроль над терапевтическим процессом или, напротив, пассивно ожидала, что терапевт будет вести, интервенции были направлены на развитие гибкой инициативы. Терапевт принимал её предложения, но одновременно использовал их как материал для анализа процесса — как ей трудно отдаться, как контроль служит избеганию эмоциональной неопределённости и как могла бы выглядеть иная инициатива.

Процесс изменения

В этом случае переносные отношения были не только местом повторения, но и местом научения. Терапевт через собственный способ реагирования отделял функции от интроектов: показывал, что функции, которые клиентка «проглотила» от родителей, сами по себе не плохи, но что способ их использования был незрелым и деструктивным. Через отношения постепенно вводились новые способы переработки эмоций, которые затем могли быть обобщены на отношения вне терапии.

С точки зрения ОЛИ ИПП, этот случай показывает, что работа с переносом не сводится к интерпретации, а подразумевает активное участие терапевта в развитии эго-функций — через последовательность, выживание, мышление вслух, оптимальную фрустрацию и моделирование более зрелых базовых развивающих компетенций. В этом смысле перенос в ОЛИ ИПП — не только место раскрытия прошлого, но и место, в котором учатся тому, как отношения строятся, выдерживаются и меняются.

Заключение

Работа с переносом в ОЛИ интегративной психодинамической психотерапии основана на классическом психоаналитическом понимании переноса как центрального пространства терапевтического процесса, но одновременно расширяет его ориентированной на развитие, функциональной рамкой. Перенос в этом подходе рассматривается не исключительно как повторение ранних отношений и конфликтов, но и как контекст, в котором становятся видимыми дефициты, блокировки или регрессии базовых развивающих компетенций, то есть эго-функций, которые делают возможной зрелую переработку эмоционального опыта.

Представленная теоретическая рамка и клинический материал указывают на значимость различения переносных феноменов, проистекающих из временной регрессии ранее развитых способностей, от тех, что отражают структурные эго-дефициты. Это различие имеет непосредственные следствия для терапевтической техники, поскольку требует разных интервенций: разблокировки и стабилизации имеющихся функций в первом случае и их постепенного развития, научения и интернализации во втором. Тем самым работа с переносом смещается с исключительно интерпретативного уровня к интеграции интерпретации, корректирующего эмоционального опыта и процедурного научения.

В рамках ОЛИ ИПП переносные отношения становятся пространством развития, в котором, помимо инсайта в повторение, происходят также передача функций, укрепление базовых развивающих компетенций и построение вторичной автономии эго. Терапевт в этом процессе остаётся не только аналитиком переносных

значений, но и активным носителем функций, которые клиент ещё не может выполнять самостоятельно, при ясном ограничении во времени и цели их интернализации. Таким образом, изменение не исчерпывается пониманием прошлого, а подтверждается в возросшей способности клиента в нынешних отношениях регулировать аффекты, толерировать амбивалентность и фрустрацию, сохранять непрерывность отношений и брать на себя ответственность за собственное функционирование.

Так понятый перенос делает возможным связывание классической психоаналитической традиции с современными развивающими и интегративными подходами к психотерапии. ОЛИ интегративная психодинамическая психотерапия тем самым предлагает модель работы с переносом, которая сохраняет глубину аналитического понимания, но одновременно даёт ясные ориентиры для развивающей интервенции и устойчивого психического изменения.

Список литературы

- Binder, P.-E. (2025). The Single Case Study is a Crucial Bridge between Research and Practice. *Journal of Contemporary Psychotherapy*, 55(2), 119–126.
- Druck, A. B. (1998). Deficit and conflict: An attempt at integration. In C. S. Ellman, S. Grand, M. Silvan, & S. J. Ellman (Eds.), *The Modern Freudians: Contemporary psychoanalytic technique* (pp. 205–229). Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Fonagy, P., Gergely, G., Jurist, E. L., & Target, M. (2002). *Affect regulation, mentalization, and the development of the self*. New York: Other Press.
- Freud, S. (1912). The dynamics of transference. *Standard Edition*, 12, 97–108.
- Freud, S. (1914). Remembering, repeating and working-through. *Standard Edition*, 12, 145–156.
- Freud, S. (1923). The ego and the id. *Standard Edition*, 19, 3–66.
- Gill, M. M. (1982). *Analysis of transference. Vol. I: Theory and technique*. New York: International Universities Press.
- Glita, P. (2010). Usefulness of the concepts of deficit and defect in the psychotherapeutic process. *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*, 2, 51–59.
- Hartmann, H. (1955). Notes on the theory of sublimation. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 10, 9–29.
- Jovanović, N. (1990, ноябрь). Некоторые открытые вопросы в работе с человеком пограничной организации личности (проблема дефектности эго-границ — разбор двухлетней терапевтической работы) [доклад, разбор случая]. Восточноевропейский психоаналитический семинар (в сотрудничестве с Международной психоаналитической ассоциацией), Белград, Сербия. (на сербском)
- Jovanović, N. (2013). Способность к любви и труду: ОЛИ интегративная психодинамическая психотерапия [Sposobnost za ljubav i rad]. Белград: Beoknjiga. (на сербском)
- Jovanović, N. (2025). *Development of Basic Emotional Competencies in OLI Integrative Psychodynamic Psychotherapy*. Amazon Kindle Direct Publishing.
- Jovanović, S. (2025). Метод работы над созревaniem интроектов в психотерапии [доклад]. XX Летняя школа Евразийской конфедерации психоаналитических психотерапевтов, Москва, Россия.
- Karasu, T. B. (2001). The advanced practice of psychotherapy. *Harvard Review of Psychiatry*, 9(3), 118–123.
- Kernberg, O. F. (1975). *Borderline conditions and pathological narcissism*. New York: Jason Aronson.
- Killingmo, B. (1989). Conflict and deficit: Implications for technique. *International Journal of Psycho-Analysis*, 70, 65–79.

- Klein, M. (1940). Mourning and its relation to manic-depressive states. In *Love, guilt and reparation*. London: The Hogarth Press.
- Klein, M. (1946). Notes on some schizoid mechanisms. *International Journal of Psycho-Analysis*, 27, 99-110.
- Kohut, H. (1971). *The analysis of the self*. New York: International Universities Press.
- Krivzov, J., Hannon, D., & Meganck, R. (2021). Approaching psychotherapy case studies in a metasyntesis: Deficit vs. conflict in treatment of medically unexplained symptoms. In M. Borcsa & C. Willig (Eds.), *Qualitative research methods in mental health* (pp. 37-63). Cham: Springer.
- Mahler, M. S., Pine, F., & Bergman, A. (1975). *The psychological birth of the human infant*. New York: Basic Books.
- Racker, H. (1968). *Transference and countertransference*. New York: International Universities Press.
- Sugarman, A. (1995). Psychoanalysis: Treatment of conflict or deficit? *Psychoanalytic Psychology*, 12(1), 55-70.
- Yilmaz, M., Türkarslan, K. K., Zanini, L., Hasdemir, D., Spitoni, G. F., & Lingardi, V. (2024). Transference interpretation and psychotherapy outcome: a systematic review of a no-consensus relationship. *Research in Psychotherapy: Psychopathology, Process and Outcome*, 27(1).

Abstract

Transference represents a central phenomenon in psychoanalytic and psychodynamic therapeutic processes, yet its understanding and the ways of working with it vary depending on the theoretical and methodological framework. This paper presents the specific features of working with transference within OLI Integrative Psychodynamic Psychotherapy (OLI IPP), a contemporary psychoanalytically grounded integrative modality with a pronounced developmental focus. Building on the classical psychoanalytic conception of transference as the repetition of earlier relationships and affective patterns within the therapeutic relationship, OLI IPP retains the analytic dimension of working with transference while expanding it through a developmental understanding of ego functions and basic emotional competencies.

In this paper, transference is viewed not only as a regressive phenomenon, but also as an indicator of insufficient development of emotional competencies within emotionally significant relationships. Particular attention is devoted to distinguishing transference manifestations arising from the regression of previously developed capacities from those that indicate structural ego deficits. The theoretical presentation is complemented by an extensive clinical case presentation, which illustrates how transference processes, countertransference experiences, and the development of emotional competencies are intertwined in therapeutic work. The aim of the paper is to highlight the contribution of OLI IPP to understanding transference as a developmental context in which, alongside insight, learning, internalization, and the strengthening of ego functions necessary for lasting psychological change take place.

Keywords: transference; integrative psychodynamic psychotherapy; ego functions; emotional competencies; theory of change.